

КАЙСЫН КУЛИЕВ

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

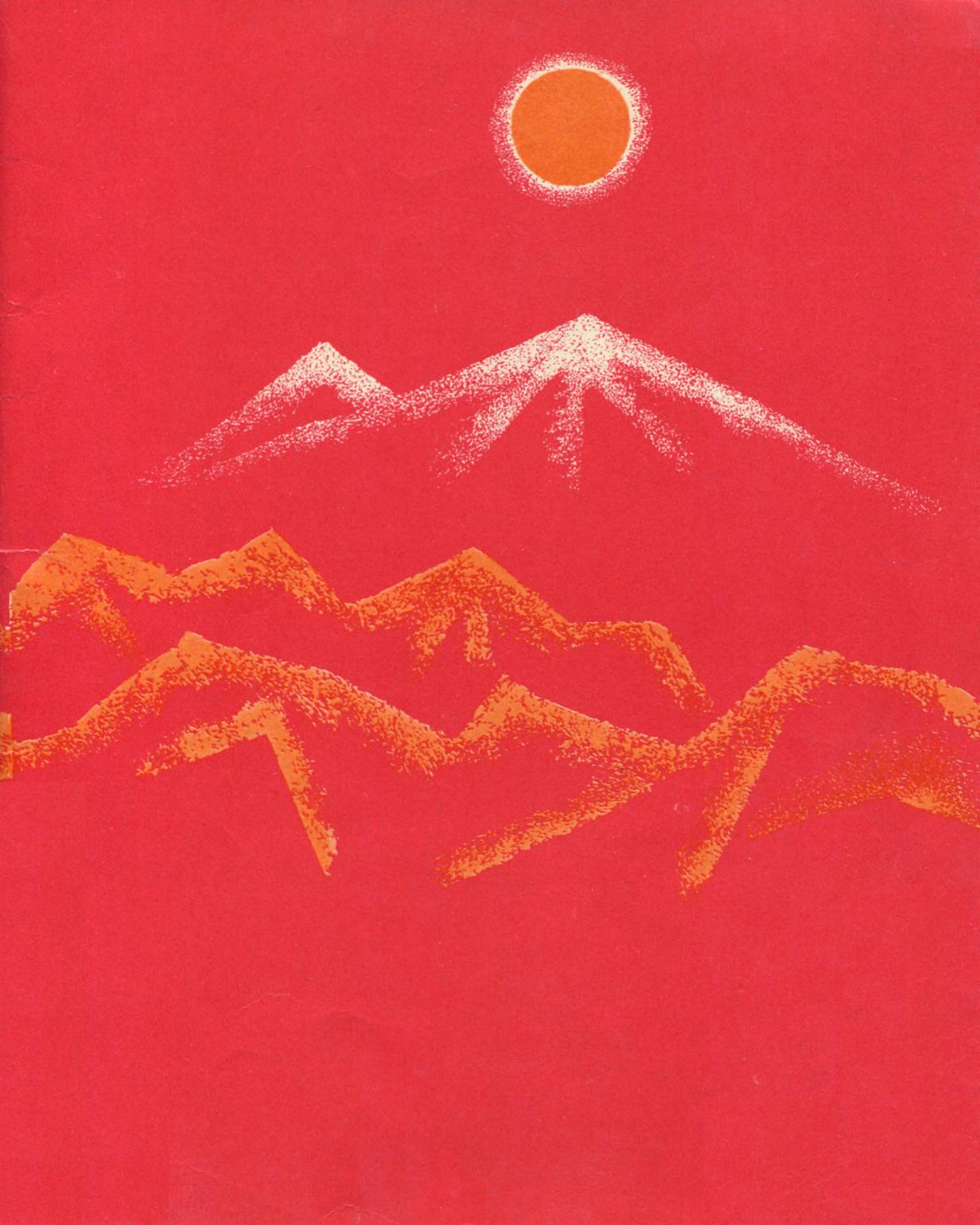

В 1966 году поэту Кайсыну Кулиеву за книгу стихов „Раненый камень“ была присуждена Государственная премия РСФСР имени А. М. Горького.

Книги Кайсына Кулиева, вышедшие за два с лишним десятилетия творческой работы, составляют уже библиотечку. Здесь стихотворные сборники „Хлеб и роза“, „Горы“, „Мои соседи“, „Земля и песня“, „Мир твоему дому“, поэмы „Знамя“, „Перевал“ и „Горская поэма о Ленине“, выходящая сейчас вторично в издательстве „Детская литература“.

Что главное в стихах поэта? Кайсын Кулиев писал в своей биографии: „В поэзии не только рдеют розы, но и сверкают клинки, в ней рядом — свежий запах хлеба и горький дым сражений, боль утрат и красота женского лица, улыбка ребенка и гибель героя, горечь несбывшихся надежд и радость достигнутой цели. Поэзия вмещает весь мир...“

Широк этот поэтический мир Кайсына Кулиева — мир большого труда, глубоких раздумий и сражений за человеческое счастье.

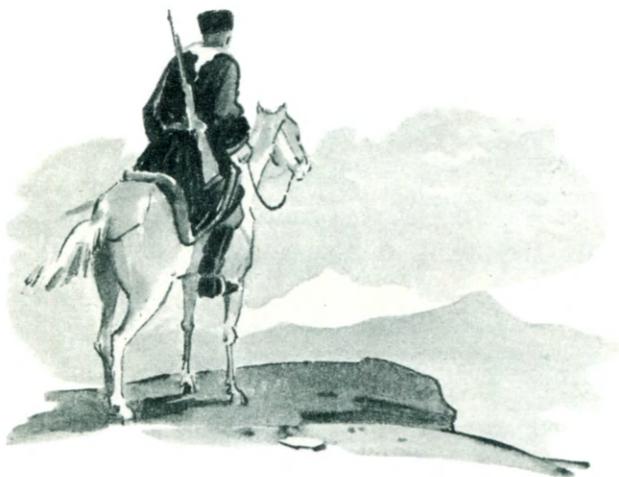

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

КАЙСЫН КУЛНЕВ

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

*Перевод с балкарского
М. Дудина*

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ Москва 1967

Кабардино-Балкария — одна из самых живописных республик нашей Родины. Высочайшие в Европе горы, прекрасные долины, леса и реки, удивительные по красоте озера, а главное, мужественные, трудолюбивые люди — вот чем издавна славится этот чудесный край. Здесь, в Чегемском ущелье, родился замечательный балкарский поэт Кайсын Кулиев, стихи которого хорошо известны сегодня не только в нашей стране, но и за рубежом.

В 1959 году в Детгизе вышел сборник стихотворений К. Кулиева «Я пришел с гор», а в 1963 году «Горская поэма о Ленине». Сейчас поэма эта выходит вторым изданием. В своей поэме, во многом автобиографической, К. Кулиев выразил не только горячую любовь и уважение горцев к великому вождю трудящихся, но и показал, какую огромную роль сыграли имя и дело Ленина в судьбе маленького горского народа.

1

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

Касалась неба древних скал гряда
Со всех концов нагорного аула.
И, как туман, в аул ползла беда
По скалам, поднимавшимся сутуло.

Но скалы горя не могли сдержать —
Нужды и бед неумолимых войско.
Оно врывалось, яростная рать,
И сеяло тоску и беспокойство.

И — нет зерна. И — мрачен цвет камней,
И словно лед потоков горных воды,
И небеса — потоков холодней,
И словно щели узки огороды.

И дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна.
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжимает зерна.

С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий.
И кукурузу горец вез с равнин,
И зернам нартов¹ радовались дети.

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось.
Где горек хлеб и тяжела беда,—
Шесть дней в том мире мне прожить досталось.

В ауле нашем был бедняк один
С нуждой своею — постоянным гостем.
В живых ему остался младший сын,
А старших путь оборвался погостом.

---

¹ Зерна нартов — кукуруза.

Как терпит камень жар огня и лед,
Так он терпел обиду и тревогу.
«Нас проклял сатана. И не найдет
Никто из нас счастливую дорогу».

Две дочери заснули смертным сном,
Как две звезды,— их оспа погасила,
Как два цветка нагорные. Потом
Двух сыновей взяла к себе могила.

Один от тифа умер. В снегопад
Другой сорвался со скалы прибрежной.
Живым остался младший, Бекболат,
В дому тоски единственной надеждой.

Мать, Халимат, молилась за него,
Седой отец о нем молился тоже,
Чтобы в земной юдоли ничего
Его судьбы не омрачило, боже.

Был склон горы кладбищенской горбат.
К могилам свежим в зарослях кизила
С горящим сердцем часто Халимат
В вечерний час тропинкою спешила.

Там, сердце погружая в темноту
Отчаянною, смертною тоскою,
Погасли звезды матери. В цвету
Четыре вишни срублены весною.

Теперь на небе матери одна
Горит звезда. И как же не бояться?
И ночь кругом. Тропинка не видна,
И утреннего света не дожждаться.

Среди застывших каменных громад,
Оплакивая горькую утрату,
У очага садился Азамат,
И звезды не светили Азамату.

Он не сумел своих детей спасти —
Позвать врача или добыть лекарство.
В долинный мир отрезаны пути
Из диких дебрей каменного царства.

Я вижу саклю, вижу скудный свет
И Азамата каменную спину,
Заплатами рыжеющий бешмет
И бороды колючую щетину.

И я, двухлетним мальчиком, просил
У Азамата самодельный ножик
И, бегая по сакле, голосил,
Держа в руках ножны из черной кожи.

О Халимат, прости меня! Тогда
Знать было сердцу моему откуда,
Что есть на свете горе и беда,
В которых не спасает даже чудо,

Что много мўки в сердце. А мукі
Ни горсточки, в переднике — заплата.
Как эти годы детства далеки...
А я, как брата, помню Бекболата.

Вот он меня, на зависть детворе,
Сам из себя коня изображая,
Катает долго на своем дворе,
Потом везет, на ослика сажая.

Вот мы уходим к берегу Жылги,
Летит в поток волосяная леска,
И от нее расходятся круги,
Потом она, натягиваясь резко,

Звенит и вылетает. Няяву,
Подобная невиданному чуду,
Живая рыбка прыгает в траву.
Я этого до смерти не забуду.

А Бекболат, от радости смеясь,
Мне отдает ту рыбку на удачу.
И я тогда, богатый, словно князь,
В восторге счастья и смеюсь и плачу...

Форель и впрямь, как слиток золотой,
Горит и вырывается упрямо.
И, как цыпленок, я бегу домой,
Чтобы со мной порадовалась мама.

Вот Бекболат у сванов, в стороне
За перевалом, недоступной глазу,
Два яблока выпрашивает мне,
А я не видел яблока ни разу.

Я помню звезды над горбом горы,
Ущелья, утонувшие в туманах.
И Бекболат до утренней поры
Мне сказки говорит о великанах.

Нет, я не знал, что нет в горах бедней
И горестнее жизни Азамата,
Не мог понять, как смерть живых людей
Несет туда, откуда нет возврата,

И почему у одного — коней
Лихой табун, играющий на склоне,
А у другого — ветер меж камней,
Пустой очаг и ни осла в загоне...

А золотые рыбки, и хребты
Лиловых скал, и Бекболата сказки
В моей душе тревожили мечты
И поселялись, смешивая краски.

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

О, детства промелькнувшие года,
Душа моя не вами ли крылата!
...И в горести, и в радости — всегда
Я неизменно помнил Бекболата.

2

Белоказаки в горы ворвались,
Тень виселиц застыла на дороге,
Огнем пожара опалило высь,
Запричитали женщины в тревоге.

Слеталось и кричало воронье
Над темною тесниною Чегема.
В тот день отец мой, зарядив ружье,
Обнял меня и попрощался немо.

Аул Чегем разграблен был сполна,
И в нашей сакле настужь дверь открыта...
Там весь запас последнего зерна
Рассыпали под конские копыта.

И мать моя, прижав меня к груди,
Рассвет встречала, сидя у ограды.
Кровавые дороги впереди,
Туман и партизанские засады...

Потух огонь в холодных очагах,
Как мамина случайная улыбка.
И уплыла на легких плавниках
И не вернулась золотая рыбка.

Забыл в те дни про сказки Бекболат
И про меня, иною занят целью.
Он в партизанский убежал отряд,
Как тень в ночи по темному ущелью.

...И партизаны выгнали врага,
Как гонит буря снежную лавину.
Но, встретив пулю, в мутные снега
Упал мой друг без памяти на спину.

Его под буркой привезли в аул,
Понуро кони разминали слякоть.
Клубился снег, и ветер скалы гнул,
И не решались женщины заплакать...

Они над ним сомкнули тесный круг.
А я, освистан снежной крутовертью,
Спал в эту ночь, не зная, что мой друг
В бреду и муке борется со смертью.

К нему под утро привели меня,
Но Бекболат навстречу не поднялся.
Кого-то призывая и кляня,
Он, как огонь, под буркою метался.

Я в бледный лоб его поцеловал,
Просил подняться со своей постели,
Чтоб мы опять пошли за перевал
И наловили удочкой форели...

Я звал его. Я был на все готов,
Рукою бурку стаскивал с кровати...
Тогда я слышал много разных слов
Неслыханных, не для моих понятий.

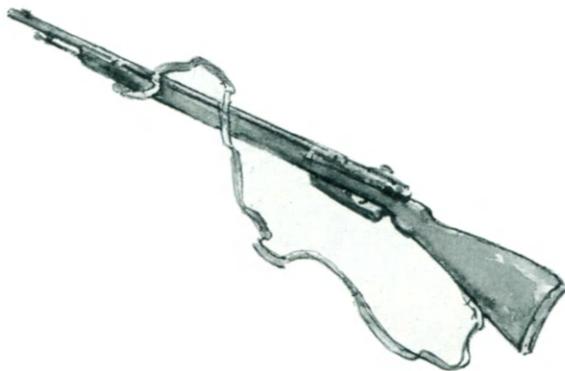

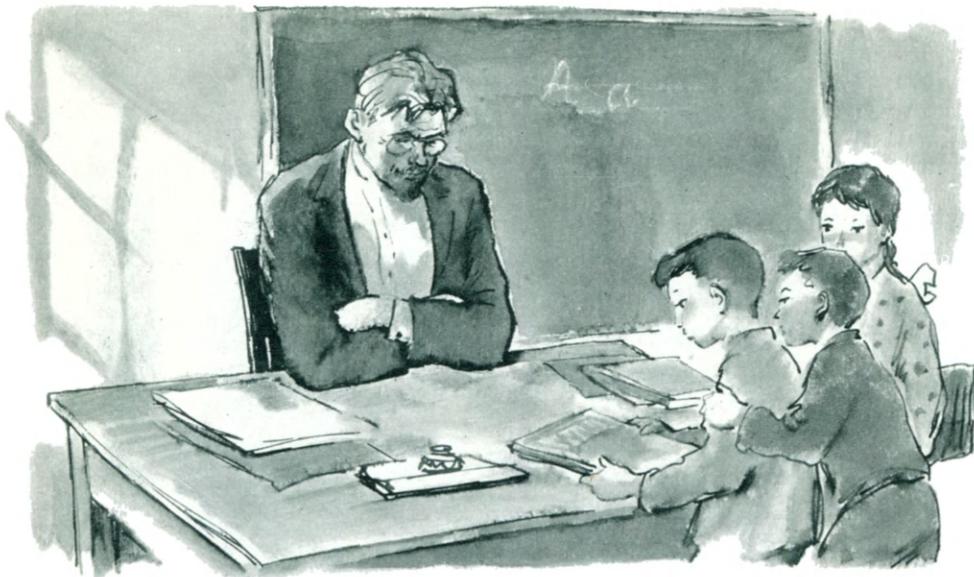
Откуда было мне тогда понять,
Как может, на пути подкарауля,
К постели Бекболата приковать
Мизинца меньше маленькая пуля...

А он кричал: «Винтовка... Мой бешмет...
Где мой карман?..» — и падал, как в тумане.
Я слушал молча раненого бред:
Что за бешмет и что в его кармане?..

Но взяли бекболатовский бешмет —
Кровь по нему разводами заволгла...
В его кармане отыскав, портрет
Все в очередь рассматривали долго.

Недоуменный отводили взгляд,
Пожав плечами, становились с краю.
И, посмотрев, сказала Халимат:
— Средь родичей такого я не знаю...

3

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку

О книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекболата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

И в книге той я увидел портрет,
И память озарилась ясным светом:
Я вспомнил бекболатовский бешмет
И дома стал рассказывать об этом.

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лёт паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое впору!
Сын пастуха, его мечтой горя,
Весь мир увидеть поднялся на гору.

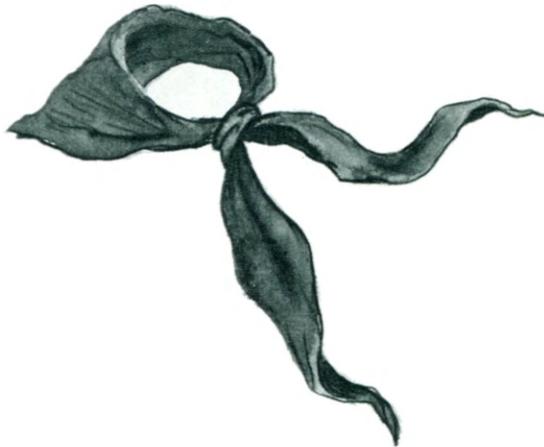
Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,
К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

4

Прошло еще три года. В третий класс
Я торопился каждый день с друзьями.
И книги завораживали нас,
Теперь уже не расставаясь с нами.

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь — неполна, а все дороги — узки.

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающий сурово,

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда вы так внимательно глядели,
Наверно вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью
Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатьич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставляю вам над вашей могилой.

Я свято вспоминаю о поре,
Где счастьем сердца не было границы,
Как я читал ребятам на дворе
Заветные о Ленине страницы.

Читал родным, и матери читал,
Гостям, соседям, путникам бывалым,
Табунщикам, чей зоркий глаз видал
Свет новых звезд над горным перевалом.

Я понимал, что их глаза смелей
Надеждой окрылялись понемногу,
Как у застрявших на скале людей,
В долинный мир увидевших дорогу.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами как гора
И наши души поднимала в горы.

И русский мастер с топором в руках
С артелью горцев-каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Мы прикрепили Ленина портрет
Над самым входом, на стене веселой.
И весь аул, как мотыльки на свет,
Спешил сюда полюбоваться школой.

Теперь учительствовал Бекболат,
Свою учебу кончив раньше срока.
Я этой встрече был не меньше рад,
Чем золотистой рыбке из потока...

Был чист и светел звонкий школьный зал,
Все пионеры в сборе были в зале.
И нам учитель новый рассказал
О тех боях на снежном перевале,

Когда его под буркой привезли
Друзья в аул, и встали к изголовью,
И на груди простреленной нашли
Портрет, залитый Бекболата кровью.

«Не узнаю», — сказала Халимат
Тогда и наклонилась над портретом.
А он для сына был родней, чем брат.
Откуда знать она могла об этом?..

Нам тот портрет учитель показал.
С него глядел Ильич, глаза прищуря.
И наш учитель видел по глазам,
Какая в душах бушевала буря.

И зависть мы не прятали свою,
Не знали мы, что с Бекболатом вместе
Придется нам идти в одном строю
Дорогой справедливости и мести.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
Но не уступит ленинское знамя,

Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату.
...Откуда ж в девятнадцатом году
Попал портрет в ауле к Бекболату?

Жил с нами рядом ссыльный Михаил,
Рабочий русский, мастер на все руки.
Он печи клал, игрушки мастерил,
Столярничал и плотничал в округе.

В горах он прожил долгие года,
Родным для нас, ни бедно, ни богато.
Из рук его и перешел тогда
Портрет вождя под сердце Бекболата.

...Сам Бекболат теперь сутул и сед,
Согбен уже трудами и годами,
Но тот давно подаренный портрет
Под ленинскими носит орденами.

Нас на рыбалке видели не раз
Как двух друзей у быстрого потока,
Проходит время, как ночной рассказ,
Старинным другом начатый до срока.

Я дружбу нашу свято берегу,
Она горит в душе моей так чисто,
Как первый бой за перевал в снегу
В душе седого друга коммуниста.

5

В Москве мело. Снег шел со всех сторон,
Как в наших скалах, самый чистый в мире.
Я вышел с Бекболатом, удивлен
Всем, что увидел в ленинской квартире.

Железная солдатская кровать.
Шаль на кровати. Ситцевые шторы.
А ум его миры умел объять
И должность высока была, как горы.

Я видел шали темную кайму —
В горах у нас такие носят шали,—
Мать подарила эту шаль ему
В час расставанья, в горький час печали.

В изгнание время медленно текло...
И от родных за тридесятою далью
Он, засыпая, чувствовал тепло
Родной души под материнской шалью.

И лучшая на целом свете мать
До сына снова не могла добраться,
И сыну больше не пришлось обнять
Родную мать и встречи с ней дожидаться...

Он жил, как все, кто, не жалея сил,
Хлеба растил, пускал чугун из домны,
Хотя всегда на целый мир светил
Своей душой, чьи помыслы огромны.

Ни с чем нельзя сравнить его труды,
А сам он жил в квартире небогатой.
Ел хлеб, как все,— от белой лебеды
И отрубей сухой и горьковатый.

Здесь, по Кремлю, подошвами стуча,
Он проходил походкою торопкой,
Надев пальто, у левого плеча
Заштопанное аккуратной штопкой.

Цари и графы, ханы и князья,
Ценою человеческой печали,
Паркетами воощеными скользя,
Вы только нищим золотом блистали.

Что вам народ, его печаль и труд,
Плоды и хлеб, добытые рабами!
Репейник и крапива прорастут
Над вашими забытыми гробами!..

Я вышел с Бекболатом, про себя
Судьбы великой повторяя повесть.
В Москве мело. С вершины декабря
Клубился снег, чистейший, словно совесть.

Снег оседал на позолоту глав
Церквей старинных и летел на крышу.
Мы молча шли Кремлем московским, став
Добрее сердцем и душою выше.

Мы шли, и каждый думал про себя,
Свои шаги отмеривая мерно,
Как Ленин, удивляясь и любя,
На снег такой в окно глядел, наверно.

И Бекболат в метели снеговой
Сказал слова с неповторимой жадной:
— Что мы сегодня видели с тобой,
Увидеть должен на планете каждый.

6

Разноголосы в мире соловьи,
По-разному текут ручьи и реки.
В ауле каждом правила свои,
И голос свой дан каждому навеки.

Любой живой по-разному живет —
За перевалом и у перевала.
И мой ущельем стиснутый народ
Своя беда в пути подстерегала.

Едва живой въезжал в аул мой дед
На одноухом муле из долины
По тем тропинкам, где случайный след
Стирали камнепады и лавины.

Тот след петлял по осыпи камней
Ущельями, кинжальной уже раны.
Был мой народ, как древний Прометей,
Прикован к скалам, спрятанным в туманы.

Он камнем стал в теснинах рыжих скал,
Свой хлеб из камня выжимая черный,
Но только камень жалобы слышал
Души народной о судьбе упорной.

Он в сонмы звезд бесчисленных глядел,
Ждал откровенья разуму и глазу.
Не раз без хлеба на воде сидел,
Но мужества не уронил ни разу.

Он песни пел. Как звезды, в них жива
Тоска и боль. Их давний путь просторен.
И мельницы крутили жернова,
Хоть ран на сердце было больше зерен.

Его герои к золотой поре
Мечтой тянулись из ущелий тесных
И гасли так, как звезды на заре.
Их имена навек остались в песнях.

Как солнца свет, светили до конца,
Через обиды, горечи и годы,
Кровоточа, отважные сердца
Твоих абреков — рыцарей свободы.

Ты все познал, мой каменный народ,
Свои дороги не коврами выстлав!
И жизнь твоя в пословицах живет,
Исполненных трагического смысла.

Ты сам сказал: «На чью арбу залез —
Того и песню запевай в дороге».
Арба, скрипя, ползла наперерез
Ущельям через горные отроги.

Ты сам сказал, что «мужество души
Ломает скалы», — и поверил в это.
Светильника души не потушил —
Пронес его до самого рассвета.

Оно пришло, как солнце сквозь туман
В ущелье, знамя ленинского дела.
Был свет его сияющий багрян —
Кровь храбрецов на знамени горела.

И мужество, которое ты нес,
Орлиным взмахом развернуло крылья,
Арбу насилья сбросив под откос,
Отрезав в горы все пути насильям.

И каменные жалобы твои
Душой своею чутко Ленин слышал.
Ты шел за ним сквозь дебри и бои,
Чтоб видеть дальше — поднимался выше.

7

Апрель в то утро, горы веселя,
Одел, наверно, легким пухом ивы,
Зазеленела горная земля,
Запенились чегемские извивы.

И маки разбежались по земле.
И в этот день на дальней Волге где-то
У русского учителя в семье
Родился мальчик в тихий час рассвета.

Был звонок крик, а может, первый плач
Открывшего на мир глаза пострела.
И, как всегда, готовился палач
И дожидались узники расстрела.

И, как всегда, мой дед спешил в аул,
И осыпалась горная порода,
И оступался длинноухий мул
У каменной ограды огорода.

А Азамат чужие гнал стада.
Цвела на скалах шапка заревая,
И на пиру богатым тамада
Зевал, об утре не подозревая.

Десятилетним мальчиком Кязим¹
В бешмете рваном по дороге старой
Высоко в горы с посохом своим,
Наверно, поднимался за отарой.

Откуда было знать ему о том,
Что, став поэтом гор, через полвека
Он будет славить вещим языком
Рожденного в то утро человека?

Ткачи, как прежде, на работу шли,
Шахтер врубался в каменные своды...
Откуда знать в тот день они могли
О сердце народившейся свободы?

Не знал об этом горестный мужик,
С картошки еле волочивший ноги.
Не знал пастух, закутанный в башлык,
Застигнутый бураном у дороги...

---

¹ Кязим Мечиев (1859—1945 гг.) — балкарский народный поэт.

Я вечно буду славить этот день,
Он для меня высоким светом светел,—
Мы без него бродили б словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел,

Как серый пух убитого орла,
И наш язык пропал бы бесполезно,
Как конь, окровенивший удила,
Подстереженный каменною бездной.

Но он не сгинул в смутном далеке,—
Я стих веду, как поводами правлю,
Пишу стихи на этом языке
И тот апрель благословенный славлю.

Пою деревьев той поры красу
И травы воспеваю, словно друга,
И на траву упавшую росу,
И синий воздух заливного луга ;

И свет звезды, и птичий разговор,
Дождя по крышам шум и перестуки,
И сына выводящие во двор
Добрейшие, внимательные руки ;

Блеск радуги над Волгою-рекой,
Ее оттенков сполохи живые,
И рощи той березовый покой,
Где он ходить осмелился впервые ;

И груди материнской молоко,
И добрых глаз добрейшую улыбку,
И руку, покачнувшую легко
Бессонной ночью маленькую зыбку;

Ораву босоногой детворы,
С которой Ленин заигрался в прятки,
И тот букварь, прочтенный до поры,
В обложке синей школьные тетрадки;

И школьный класс, гудящий роем пчел,
И книги, пережившие столетья,
В которых Ленин в первый раз прочел
О злой несправедливости на свете...

Я славлю это, как седой Кязим
Страну Советов вещим словом славил
И, совестью чистейшей не казним,
Нам сердце откровенное оставил.

Приветствуя высокой цели жизнь,
Испивший мудрость из ее колодца,
Он говорил о прошлом: «Не держись
За камень тот, что со скалы сорвется».

8

Все лучшее на свете для меня
В поэзии души — открытом храме —
Всей теплотой сердечного огня
Я сравниваю с гордыми горами.

Что слишком часто я пишу о них,
Меня мой критик судит односторонне.
Товарищ Ленин, думаю, мой стих
Не заслужил подобного упрека...

Пусть упрекают. За перо берусь —
Толпятся горы у стихотворенья.
Мне вот сейчас, пожалуй, лишь Эльбрус
Один бы пригодился для сравненья!

Всегда видна с заоблачных вершин,
Как сердце друга, дальняя равнина.
А все, что Ленин на земле свершил,—
Для всех веков великая вершина.

О мой Эльбрус! Ты и высок и бел.
Таких вершин в Европе не отыщешь.
Но Ленин выше в развороте дел,
И мысль его снегов Эльбруса чище.

За мир познания я в него влюблен,
Его идеи ревностный служитель.
А он был прост, сердечен и умен,
Внимателен и мягок, как учитель.

Он был в дерзанье революций смел,
Народы за собою поднимая.
И он умом миры обнять умел
И был задумчив, как поэт, мечтая.

Построить мост в грядущее сумев,
Он строил планы, чей размах огромен,
И слушал, от восторга онемев,
Как ликовал по клавишам Бетховен.

Я всей душою в Ленина влюблен.
Он для меня — всегда орел в полете.
И вижу я, как раскрывает он
Том Тютчева в старинном переплете...

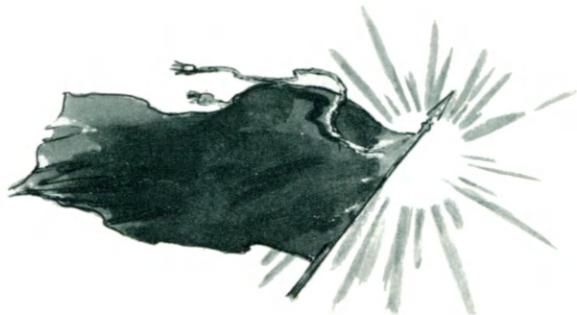
Играет с ребяташками... Затем
Смеется с ними звонко, балагура,
И видит не открытое никем
В той стороне, где закипает буря.

Я вечно славить Ленина готов.
И воздух свеж. И мир души не тесен.
Спешу, мой стих, ручьем от ледников
В людское море радости и песен!..

Пусть грозные и светлые года
Идут, как ливни через горы прежде.
Но с Лениным народам никогда
Не потерять своих путей к надежде.

Он больше всех для радости людской
На свете сделал и оставил свету,—
И в горести и в радости простой,
Зовет вперед. Иной дороги нету!

Как вешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая,—
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная!

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

Для восьмилетней школы

Кулиев Кайсын Шейваевич

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

Ответственный редактор Г. Р. Каримова.
Художественный редактор Б. А. Дехтерев.
Технический редактор З. М. Кузьмина.
Корректор Е. Б. Кайрукштис.

Сдано в набор 4-X 1966 г. Подписано к
печати 26-XI 1966 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ.
л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 401. Цена
14 коп. на бум. № 1.

Издательство „Детская литература“
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 1 Росглаво-
лиграфпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров РСФСР. Москва, Суцеский
вал, 49. Заказ № 5090

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1967 г. для детей среднего и старшего школьного возраста выпускает следующие книги, переведенные с языков народов СССР:

Айтматов Ч. ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ.

В книге известного советского писателя, лауреата Ленинской премии Ч. Айтматова три повести. В повести «Первый учитель» перед читателями встает обаятельный образ Дюйшена — учителя, комсомольца двадцатых годов.

Действие повести «Джамиля» разворачивается в годы войны. Герои повести «Тополек мой в красной косынке» — наши современники.

Перевод с киргизского

Зязиков Б. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ГЕРОЯ.

Повесть.

В основу художественного произведения положена героическая биография участника гражданской войны на Северном Кавказе, партизана Мандре Нальчиева. Подвиги его необыкновенны: он воевал с белоказаками, напавшими на пролетарский Грозный, стоял в шеренгах бойцов, оборонявших село Долаково от белых дивизий, а когда враги заняли его родное Сурхохи, остался там, чтобы мстить захватчикам. Повесть проникнута пафосом революционной борьбы, романтична

Салениек Э. ШАГ ЗА ШАГОМ.

Повесть.

Эта книга — третья часть автобиографической трилогии известного латышского писателя Эдуарда Салениека. Автор рисует жизнь дореволюционной латышской деревни, нужду и непосильный труд деревенской бедноты, стонущей от произвола кулаков и фабрикантов. С большой убедительностью показано пробуждение общественного сознания у юного героя книги — Роберта Залана, приобщение его к революционной работе.

Перевод с латышского.

Эти книги по мере выхода их в свет можно получить в школьных библиотеках.

Цена 14 коп.

Цена 14 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“